

Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ)

 А.И. Усов^{1,2,3},  О.Б. Градусова^{1,2},  С.А. Кузьмин^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва 105005, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме выработки научно обоснованных подходов и количественных критериев оценки степени достоверности результатов экспертных исследований с учетом контекстной информации, содержащейся в материалах дела, на основе отношения правдоподобия. Рассматривается эволюция системы взглядов на данную проблему в теории отечественной и зарубежной судебной экспертизы и анализируется руководство Европейской сети судебно-экспертных учреждений по оценочной отчетности в судебной экспертизе, опубликованное в 2015 г. Данное руководство является практическим пособием по оценке экспертами доказательственной значимости выводов, получаемых ими в результате проведения исследований в конкретных видах судебной экспертизы, и содержит рекомендации по оформлению результатов такой оценки в рамках так называемого оценочного отчета. Отправной точкой проведенного сравнительного анализа выбрана проблема отношения правовой системы и ее субъектов к результатам судебно-экспертного исследования как в общем, так и к иным судебным доказательствам, выраженным в вероятной форме. В настоящее время вероятностный способ описания неопределенностей, пришедший из естественно-научной практики, прочно обосновался в криминалистике и судебной экспертизе. В отечественном законодательстве, в теории и практике судебной экспертизы сформировалась четкая позиция, в соответствии с которой вероятность рассматривается как синоним предположения. За рубежом к вероятностям подходят иначе.

Авторы отмечают практическую ценность дальнейшего развития данного подхода как для судебной экспертизы, так и для смежных с ней областей деятельности.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, оценка результатов экспертного исследования, частотно-вероятностный метод, отношение правдоподобия*

Для цитирования. Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 4. С. 6–15.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>

The Use of Probabilistic and Statistical Methods to Test the Significance of Scientific Evidence: Comparative Analysis of Current Forensic Practices in Russia and Abroad

 Aleksandr I. Usov^{1,2,3},  Ol'ga B. Gradusova^{1,2},  Sergei A. Kuz'min^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow 117198, Russia

³ Bauman Moscow State Technical University (BMSTU), Moscow 105055, Russia

Abstract. The article addresses the problem of developing scientifically sound approaches and quantitative criteria for assessing reliability of expert evidence that take into account the contextual information

contained in case materials and are based on likelihood ratios. The evolution of the system of views on this problem in forensic science theory in Russia and abroad is considered, and the European Network of Forensic Science Institutes Guideline for Evaluative Reporting in Forensic Science is analyzed. The Guideline was published in 2015. This manual is a practical tool for experts assessing the evidentiary value of their conclusions resulting from specific types of forensic examination. It also sets out recommendations on how to present the results of such an assessment in the format of the so-called "evaluative report". The starting point of the comparative analysis is the problem of how the legal system and its subjects interpret the results reported by an expert witness, as well as any other forensic evidence expressed in probabilistic terms. At present the probabilistic way of describing uncertainties, originating in the natural sciences, is firmly established in criminalistics and forensic science. A clear position that has formed in the context of the Russian legislation, theory and practice of forensic expertise is to interpret probability as synonymous with assumption. In the foreign forensic science community the fate of probabilities was different. The authors emphasize the practical value of further improving the tools for assessing the reliability of examination results in the forensic sciences and related areas.

Keywords: *forensic science, expert evidence interpretation, frequentist approach, likelihood ratio*

For citation: Usov A.I., Gradusova O.B., Kuz'min S.A. The Use of Probabilistic and Statistical Methods to Test the Significance of Scientific Evidence: Comparative Analysis of Current Forensic Practices in Russia and Abroad. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>

Современное российское судопроизводство осуществляется на принципах состязательности и равноправия сторон. В этих условиях все большее внимание уделяется объективизации и обеспечению всесторонности при проведении судебно-экспертных исследований [1]. В настоящее время продолжается активное изучение вопросов использования байесовских методов, в том числе применения концепции правдоподобия, для интерпретации и оценки результатов судебно-экспертного исследования.

В отечественном законодательстве, в теории и практике судебной экспертизы советского периода сформировалась четкая позиция, в соответствии с которой вероятность рассматривается как синоним предположения. Так, применительно к доказательствам по уголовным делам М.С. Строгович писал: «Понятие вероятности в этом случае означает лишь гипотезу, предположение, догадку» [2]. Такая позиция (несмотря на наличие и иных точек зрения) была закреплена в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 года: «...вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора»¹. Конечно, в экспертной практике вероятные выводы имели и продолжают иметь место.

Многие ученые-криминалисты неоднократно отмечали их значимость для правоприменительной практики, прежде всего в раскрытии и расследовании преступлений. Однако и тогда, и сейчас вероятные выводы имеют ограниченное применение и далеки от идеала.

В современном российском судопроизводстве, если строго придерживаться норм действующих процессуальных законов, в настоящее время не устанавливается истина, а рассматривается и разрешается дело. Формально перед судом стоит задача определить, позиция какой из сторон убедительнее, и вынести решение в рамках надлежащей правовой процедуры. Однако с позиций гносеологического процесса доказывания его целью, конечно же, является получение истинного знания об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела. При этом наряду с категорией истины в правовой науке существует понятие достоверности.

Если обратиться к отечественной правовой науке и методологии судебной экспертизы, то следует отметить, что категорию достоверности принято считать парной категории вероятности, в то время как для категории истины такой парой является категория ложности. При этом вероятность как характеристика обоснованности знания может иметь различные степени и возрастать по мере приближения к достоверности.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 2. С. 10.

В теоретическом плане проблемой перехода вероятного знания в достоверное, в том числе применительно к судебно-экспертному исследованию, занимался целый ряд известных российских ученых: Р.С. Белкин, А.И. Винберг, А.А. Эйсман, В.Ф. Орлова, Ю.К. Орлов. Так, А.А. Эйсман интерпретировал процесс достижения достоверного знания в судебном доказывании с позиций теории вероятностей и вероятностной логики [3]. Он указывал, что «с накоплением доказательств какого-либо факта вероятность их случайного совпадения резко падает, и напротив, правдоподобность вывода возрастает». Ю.К. Орлов в своих трудах также отмечал, что «именно категории достоверности и вероятности дают возможность исследования процесса получения истинного знания, механизма перерастания знания недостоверного в достоверное, поскольку в процессе доказывания, как известно, почти не встречается знаний, истинность которых постулируется, и всякое достоверное знание выступает обычно на первых этапах познания как проблематичное» [4]. При этом многие авторы склонялись к выводу, что схема перехода вероятности в достоверность, характерная для формализованного познания, не может быть механически перенесена на познавательные процессы в судебно-экспертном исследовании. Структура такого перехода носит здесь совершенно иной характер, поскольку четко выраженная грань между вероятностью и достоверностью отсутствует, т. е. в судебно-экспертном исследовании достоверное знание не дается в готовом виде, а приобретает по мере накопления достаточной для вывода совокупности данных. Никакой отдельно взятый признак, аргумент в исследовании объекта экспертизы не может служить основанием для достоверного вывода, он лишь подтверждает обосновываемый тезис с определенной степенью вероятности. Одну из интерпретаций структуры вероятного вывода дает В.Ф. Орлова, которая выделяет в нем два компонента: достоверный и вероятное суждение². При этом достоверный компонент – это оценка установленных совпадений и различий с точки зрения решения промежуточной задачи индивидуально-группового характера, а вероятное суждение – это то, которое выполняет роль связующего

звена между первой оценкой и ответом на поставленный вопрос. Отмечается, что второй компонент является обязательным для любого экспертного заключения (и категорического, и вероятного) в силу его специфики как судебного доказательства. Кроме того, практически все ученые, занимавшиеся этой научной проблемой, указывали, что целесообразно создать градацию вероятных выводов по степени их приближения к достоверности, что облегчало бы их оценку и использование следствием и судом. Однако научно обоснованного математического инструментария такой градации, строго взаимоувязанной с экспертной технологией, до сегодняшнего дня предложено не было.

Несколько иначе складывалась судьба применения вероятностных методов в экспертной практике в зарубежных странах. Первые известные работы по применению вероятностных оценок в праве относятся к рубежу XVIII и XIX веков. Для этого периода характерен отказ судебных систем ряда передовых стран Европы от формального анализа судебных доказательств и его постепенная замена оценкой на основании внутреннего убеждения соответствующих субъектов. Среди первых ученых, привнесших методы теории вероятностей в судопроизводство, были П. Лаплас, С. Пуассон и другие известные математики того времени. Основным предметом их научного интереса стала вероятностная оценка достоверности некоторых судебных доказательств, прежде всего свидетельских показаний. При этом в качестве причины неопределенности в степени достоверности таких доказательств в первую очередь (наряду с заведомо ложными показаниями) называются различного рода ошибки свидетелей (очевидцев).

Использование вероятностно-статистического подхода к определению критериев тождества восходит к работам известного французского криминалиста Бальтазара, который на основе классических методов теории вероятностей рассчитал, что для надежной идентификации человека по дактилоскопическому отпечатку достаточно 12 особенностей папиллярного узора (число Бальтазара) [5].

Вероятностный способ описания неопределенностей, пришедший из естественно-научной практики, прочно обосновался и в криминалистике. В связи с этим представляют интерес результаты исследо-

² Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации в советской криминалистике: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1973. 438 с.

вания, которое в конце 40-х годов прошлого века предпринял А.И. Винберг. Анализируя взгляды А.Ф. Буринского, Г. Гросса, С. Оттоленги, А. Осборна и других, он констатировал: «Таким образом дореволюционные криминалисты России, а также криминалисты Франции, Австрии, Германии, Италии, США утверждали, что заключение эксперта должно отражать лишь известную степень вероятности» [6]. При этом некоторые авторы (например, Х. Користка) предлагали заменить количественное выражение вероятностей вербальной шкалой: «вероятность, граничащая с достоверностью», «высокая доля вероятности», «средняя вероятность», «незначительная вероятность»³.

Становление современных подходов вероятностной оценки результатов исследований в области судебной экспертизы обычно связывают с формированием генетической экспертизы. Проф. Эдвард Г. Бартик отмечает: «С начала 90-х годов при проведении анализов ДНК эксперты стали указывать вероятность соответствия между искомыми и сравнительными образцами, и это был единственный вид экспертизы, где такой подход регулярно применялся» [7]. Вслед за ДНК-анализом статистическая оценка результатов экспертного исследования все чаще начинает использоваться в дактилоскопии, баллистике и трасологии [там же].

Можно утверждать, что подход, привнесенный культурой генетических исследований и оценки получаемых результатов, с этого момента становится ориентиром и общенаучной основой для переосмысления методической базы проведения, оценки и представления других родов/видов исследований, проводимых в рамках производства судебных экспертиз. В литературе отчетливо прослеживаются попытки систематизации и теоретического осмысления экспертной практики, основанной на вероятностной оценке получаемых результатов. Предпринимаются попытки формулирования общетеоретического подхода к использованию данного метода в судебной экспертизе и его связи с общенаучными методами оценки результатов исследований. Так, в частности, проф. Дженнифер Л. Мнукин с соавторами отметила, что судебно-экспертная наука в целом «...должна развиваться на устоявшейся научной осно-

ве. Это может быть достигнуто только путем развития исследовательской культуры, которая пронизывает всю область судебной науки. Исследовательская культура... должна быть основана на ценностях эмпиризма, транспарентности и открытости для критического анализа» [8].

Сильное влияние на судебно-экспертное сообщество оказал доклад Национального исследовательского комитета Национальной академии наук США «Укрепление судебной экспертизы в Соединенных Штатах: путь вперед», опубликованный Министерством юстиции США в 2009 году. Подвергнув критическому анализу текущее состояние судебной экспертизы в США, авторы доклада, в частности, рекомендуют: «Судебно-экспертные заключения и любые свидетельские показания в зале суда, полученные на их основе, должны содержать четкие характеристики ограничений анализов, включая, по возможности, показатели неопределенности сообщаемых результатов и связанные с ними оценочные вероятности»⁴.

Идея статистической оценки результатов судебно-экспертных исследований была воспринята научным сообществом не без дискуссий. Первой можно считать публикацию Дэвида Стоуни 1991 года [9], где он задался вопросом о наличии самой возможности «индивидуализации»⁵ статистическими методами. Апофеозом критики вероятностно-статистического подхода в криминалистической идентификации можно назвать работу Майкла Сакса и Джонатана Кёлера «Ошибочность индивидуализации доказательств в судебной экспертизе» [10], где авторы формулируют следующие принципиальные утверждения.

1. Понятие «индивидуализация», лежащее в основе многих областей криминалистики, существует только в метафизическом или риторическом смысле. Оно научно не обосновано и подкрепляется в основном ошибочной логикой, которая приравнивает редкость к уникальности.

2. Применение известных правил с неизбежностью демонстрирует невозможность установить уникальную индивидуализацию. Производство вероятностей, имеющих

⁴ Strengthening Forensic Science in the United States: A Path Forward (Free Executive Summary) <http://www.nap.edu/catalog/12589.html> (дата обращения 27.06.2018).

⁵ В данном контексте принятый в западноевропейской школе экспертизы термин «индивидуализация» выступает в качестве синонима принятого у нас термина «идентификация».

³ Приводится по: Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 511 с.

значение больше нуля, всегда дает значение больше нуля. Поэтому вероятностный подход всегда приводит к выводу, что по крайней мере один источник, отличный от подозреваемого лица или объекта, может существовать.

3. Требование уникальной индивидуальности не может быть доказано образцами: «Невозможно доказать, что какая-либо человеческая характеристика различна для каждого человека, не проверив каждого человека...» Отсутствие возможности реализовать такую полную проверку приводит к вероятным утверждениям, а не к выводам об абсолютной специфичности или абсолютной идентичности⁶.

Приведенная позиция имеет как своих сторонников (например, проф. Я. Эвэтт), так и противников (в частности, Д. Кей). Позиция последних в общем виде сводится к противопоставлению «формальной» и «практической» достоверности [11]⁷.

Следует отметить, что метод вероятностной оценки доказательств в последние годы приобрел в западной правовой науке консенсусный характер и рассматривается как универсальный, т. е. применимый и к оценке иных, отличных от экспертизы, доказательств. В руководстве для судей, адвокатов и судебных экспертов Королевского статистического общества Великобритании «Основы вероятностных и статистических доказательств в уголовном судопроизводстве» 2010 года

указывается, что «статистические доказательства и вероятностные рассуждения сегодня играют важную и расширяющуюся роль в уголовных расследованиях и судебных разбирательствах, не в последнюю очередь в связи с судебными экспертными доказательствами (включая ДНК)» [13]. При этом авторы подчеркивают (на примере применения конкретного статистического метода – байесовского подхода), что «теорема Байеса, в принципе, может быть распространена на любые доказательства, так как теоретически всегда можно присвоить субъективные вероятности к некантифицированным доказательствам любого вида» [13, с. 3].

Другим краеугольным камнем современной западноевропейской теории оценки судебных доказательств, наряду с допустимостью и даже желательностью использования вероятностей, выступает принцип сопоставления этих вероятностей в свете их обусловленности конкурирующими версиями, вытекающими из состязательного характера правосудия.

Анализируя возможность применения естественно-научных подходов («научного метода») в области права, проф. К. Эйткен с соавторами пишет: «В суде данные состоят из доказательств, относящихся к делу, доказательств, собранных полицией и другими органами, и они представляются сторонами защиты и обвинения. Как правило, есть только две теории: одна, что подзащитный не виновен и вторая, что он виновен. В ходе процесса движение между фактами и теорией происходит по мере накопления доказательств. Юристы используют принцип состязательности, не выраженный явно в научной практике, но похожий на обзоры проделанной работы коллегами-учеными в других отраслях науки. Самая главная схожесть между правовой и научной практикой заключается в неопределенности, которая присутствует в обоих случаях, и почти определенности, которая появляется в конце, когда присяжные выносят вердикт на основе представленных доказательств» [14]. Принцип состязательности, который лежит в основе судопроизводства большинства стран и о котором упоминает К. Эйткен с соавторами, предполагает открытую конкуренцию позиций (версий) сторон в процессе доказывания. Применительно к доказательствам, полученным в результате производства судебных экспертиз, реализация данного

⁶ Очевидно, что авторы приведенной позиции находятся под сильным влиянием философии К. Поппера, доказывавшего невозможность получения достоверного знания индуктивными методами.

⁷ Проблема перехода от вероятного знания к достоверному является одной из самых дискуссионных в теории идентификации. Так, еще в 1964 году, выступая на совместном научно-практическом семинаре юристов и математиков в Институте математики им. В.А. Стеклова АН СССР, известный советский ученый-процессуалист А.А. Эйсмэн отметил, что «к числу наиболее общих и трудных вопросов относится вопрос, связанный с описанием механизма перехода от вероятных выводов, получаемых на отдельных этапах доказывания, к достоверным выводам, появляющимся в результате взаимодействия системы различных улик» [12]. Современное отношение к проблеме (по крайней мере, значительной части ученых) выразил И.В. Овсянников: «В современной отечественной криминалистике и уголовном процессе... ответ на вопрос о достижении практической достоверности ставится в зависимости от решаемых практических задач, причем в конечном итоге оценка достоверности и достаточности доказательств не формализуется и основывается на внутреннем убеждении субъекта этой оценки» [см. выше]. С другой стороны, названный подход проф. Стоуни не без иронии назвал «прыжком веры» [9]. Как видно из приведенного пояснения, дискуссия на данную тему еще весьма далека от завершения.

принципа, сводящаяся к представлению сторонами конкурирующих заключений, не показала своей эффективности. В упомянутом выше докладе Национального исследовательского комитета Национальной академии наук США резонно отмечено: «Состязательный процесс, связанный с допуском и исключением научных доказательств, не подходит для поиска научной истины»⁸. В силу этого обстоятельства научное сообщество юристов и судебных экспертов предприняло шаги для формирования концепции адекватного представления позиций обеих сторон в рамках одного заключения эксперта.

Рассмотрим это на упрощенном примере. Предположим, что эксперт-почерковед в ходе сравнительного исследования двух рукописных документов, выполненных с некоторым заметным разрывом во времени, выделил комплекс совпадающих признаков. Оценка результатов, как она понимается авторами концепции, сводится к определению двух вероятностей: вероятности того, что данные признаки совпадут при условии, что оба документа написаны одним лицом, и вероятности того, что они совпадут при условии, что они выполнены разными лицами. Соотношение этих вероятностей, отражающих действительные или гипотетические позиции сторон, принято называть отношением правдоподобия. Оно и представляется экспертом суду. При этом следует обратить особое внимание, что экспертом не оцениваются вероятности этих конкурирующих гипотез (этот вопрос в компетенции суда), а определяется вероятность появления (ожидаемости) такого комплекса признаков при условии истинности соответствующей версии.

Таким образом, значимость доказательств (в том числе выводов эксперта) обуславливается некоторой дополнительной информацией, представленной как элементы конкурирующих гипотез. Анализ такой информации должен осуществляться экспертом с самых начальных этапов производства экспертизы.

Разработка, научный анализ и систематизация названных (равно как и некоторых дополнительных) принципов оценки доказательств велась группой ученых из Службы

судебной экспертизы Великобритании⁹ примерно с конца 1990-х годов¹⁰ и была названа «Оценка и интерпретация материалов дела» (Case Assessment and Interpretation – CAI) или «Модель CAI». Данная модель была предложена судебно-экспертному сообществу в статье Я. Эветта с соавторами «Влияние принципов интерпретации доказательств на структуру и содержание заключений», опубликованной в 2000 году в британском журнале «Наука и правосудие» [16]. Десятью годами позже, после долгих дискуссий и многократных апробаций, концепция была принята в качестве официального заявления «Выражение оценочных мнений: заявление позиции» коллективом из более чем 30 ведущих ученых Европы на собрании в Эдинбургском университете (Великобритания) [17].

Учитывая важность теоретических предпосылок для понимания современной европейской системы оценки доказательств, кратко изложим содержание важнейших восьми из десяти пунктов указанного заявления.

1. Интерпретация научных доказательств представляет собой рассуждения в условиях неопределенности. Теория вероятностей обеспечивает единственную логическую основу для таких рассуждений.

2. Для формирования оценочного мнения по результатам исследований судебно-эксперту необходимо рассматривать эти результаты в свете гипотез (версий), отражающих позиции различных участников судебного процесса. В уголовном процессе эти гипотезы будут представлять позиции обвинения и защиты соответственно.

3. Эксперту необходимо принимать во внимание *вероятность результатов исследований* в зависимости от каждой из гипотез. Недопустимо с экспертной точки зрения оценивать *вероятность гипотез*, исходя из полученных результатов исследований. Такая ошибка может ввести суд в заблуждение.

4. Соотношение вероятности результатов исследований, полученной исходя из версии обвинения, и вероятности результатов, полученных исходя из версии защиты, известное как *отношение правдоподобия*, является наиболее подходящей формой

⁸ Strengthening Forensic Science in the United States: A Path Forward (Free Executive Summary). <http://www.nap.edu/catalog/12589.html> (дата обращения 27.06.2018).

⁹ Forensic Science Service (FSS) – британская государственная некоммерческая судебно-экспертная организация, один из крупнейших провайдеров экспертных услуг в Европе. Была ликвидирована по решению правительства Великобритании в 2012 году.

¹⁰ См., например, [15].

представления значимости доказательств, направляемой экспертом суду.

5. *Вербальная шкала*, построенная на основе отношения правдоподобия, является наиболее подходящей формой представления оценочного экспертного заключения в суд. Ее можно сформулировать в терминах поддержки одной из пары четко сформулированных гипотез.

6. Такие формулировки, как «могли быть получены» или «согласуются с», *неэффективны* для вывода эксперта в отношении значимости доказательства. Существует также опасность, что они могут вводить в заблуждение участников процесса.

7. *Вероятности* должны основываться на данных, знаниях и опыте. Все сборники справочных данных являются несовершенными и неполными, поэтому разные эксперты могут присваивать разные вероятности одним и тем же результатам, имея для этого легитимные источники информации.

8. *Логический* подход к оценке доказательств, подразумеваемый в предыдущих пунктах, известен как «байесовский подход».

На уровне Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI) ведущие зарубежные ученые заявляют, что концепция отношения правдоподобия является логически наиболее подходящей основой для оценки результатов судебно-экспертного исследования. В 2010 году Президиум ENFSI поддержал Эдинбургскую декларацию: «Президиум ENFSI планирует принять меры для согласования стандарта интерпретации судебно-экспертных доказательств и обеспечить необходимую поддержку для внедрения этого стандарта в деятельность членов Сети». Данное заявление было сделано в то время, когда международное экспертное сообщество осознало необходимость формирования и внедрения единой для лабораторий ENFSI методической основы судебно-экспертной интерпретации и отчетности. И хотя отдельные рабочие группы ENFSI, действующие в конкретных областях судебно-экспертных исследований, предпринимали попытки включить вопросы интерпретации и оценки результатов экспертных исследований в разрабатываемые ими руководящие документы, это не создавало условий для формирования единого подхода к решению данной проблемы в целом.

Для подготовки общего руководства по оценочной отчетности Президиумом ENFSI была сформирована рабочая группа (получившая название М1), которую возглавила бывший Генеральный директор судебно-экспертной службы Ирландии д-р Шейла Виллис.

Участники Группы М1 А. Бидерман, Ч. Шампу и Ш. Виллис так охарактеризовали ситуацию, сложившуюся в европейской судебной экспертизе на момент начала их работы: «В целом вышеизложенное свидетельствует о существовании противоречивой практики и диаметрально противоположных мнений в судебно-экспертном сообществе в отношении аспектов интерпретации (результатов исследований). Такое положение порождает серьезные проблемы, поскольку создает картину неопределенности у «получателей» экспертной информации и вызывает сомнения в отношении того, в какой степени можно доверять выводам судебных экспертов» [18].

Основная цель проекта¹¹ – разработка согласованного справочного документа, содержащего основные принципы судебно-экспертной интерпретации независимо от области их применения. Предполагалось также, что разрабатываемый документ должен соответствовать критериям логичности, надежности и транспарентности.

Подобно авторам концепции CAI, в качестве исходного пункта Группа М1 приняла идею «обуславливающей информации», т. е. то обстоятельство, что для уяснения поставленных инициатором экспертного задания вопросов эксперт должен проанализировать всю значимую информацию по делу, представленную эксперту инициатором, либо запрошенную дополнительно. Разработчики руководства подчеркивают, что речь должна идти не о всей информации по делу, а только о значимой, поскольку она может оказать влияние на предстоящую оценку доказательственной силы результатов экспертного исследования. В рамках выбранного подхода и в теории, и на практике такая информация приобретает значение одного из фундаментальных компонентов, необходимых для проведения корректной экспертной оценки. Более того, в

¹¹ Здесь и далее изложение целей, задач и последовательности работы Группы М1, а также общей логики построения Руководства основывается на цитируемой выше статье [17], документах Президиума ENFSI, результатах собственной экспертной практики работников ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, а также анализе содержания самого Руководства.

заключении эксперта должно быть недвусмысленно указано, что в случае изменений в обуславливающей информации оценка значимости результатов должна быть осуществлена повторно.

В результате 36-месячной работы Группой M1 был подготовлен проект Руководства ENFSI по оценочной отчетности в судебной экспертизе (ENFSI Guideline for Evaluative Reporting in Forensic Science. Strengthening the Evaluation of Forensic Results across Europe), состоящий из трех основных разделов: «Область применения», «Оценочная отчетность» и «Общие требования». Кроме того, Руководство содержит словарь основных терминов, примеры применения оценочного подхода при экспертных исследованиях ДНК, стекла, звукозаписей, продуктов выстрела, отпечатков обуви и проведении портретной идентификации. К Руководству также прилагаются бланк для самоконтроля и «дорожная карта» – практические рекомендации внедрения оценочного подхода в деятельность экспертного подразделения.

Таким образом, авторы создавали документ, содержащий набор практических рекомендаций по проведению оценки значимости выводов судебного эксперта и представлению результатов этой оценки в заключении. В документ не вошли вопросы разграничения идентификационных и иных экспертных задач, а также возможность применения содержащегося в Руководстве подхода к неидентификационным задачам; границы полномочий экспертов при самостоятельной формулировке гипотез; означенная выше проблема категорических выводов, т. е. перехода от вероятности к достоверности, и многое другое. Обсуждение названных проблем ведется на страницах научных журналов и доступно читателю.

В 2015 году Руководство было принято и опубликовано ENFSI в качестве нормативно-методического документа, представляющего собой практическое пособие по оценке экспертами доказательственной значимости выводов, получаемых ими в результате проведения исследований в конкретных видах судебной экспертизы, а также рекомендаций по оформлению результатов такой оценки в рамках так называемого оценочного отчета. В настоящее время данный документ носит обязательный характер для судебно-экспертных организаций Европейского Союза.

Учитывая теоретический и практический интерес к данному документу в Российской Федерации, в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России была проведена научно-методическая работа по подготовке его комментированного перевода. Ранее в ряде публикаций ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России уже поднимался вопрос о применении байесовской концепции отношения правдоподобия в судебно-экспертной деятельности и вероятностно-статистической интерпретации результатов экспертиз [19, 20]. Цель же нынешней работы не только подготовка комментированного обзора европейского руководящего документа, но и демонстрация на конкретных примерах важной роли отношения правдоподобия в оценке результатов судебно-экспертной деятельности в современном судопроизводстве [21]. При этом особо следует отметить необходимость формирования в отечественной судебной экспертологии частной теории оценки неопределенности результатов экспертного исследования, включающей в себя категорию отношения правдоподобия и нацеленной на установление достоверности полученной информации об объекте экспертизы. Примеры экспертных исследований различных объектов, демонстрирующие использование основных положений рассматриваемого Руководства ENFSI, наглядно подтверждают возможность его практического применения.

Применительно к сегодняшнему дню весьма логичным является вывод о необходимости гармонизации западноевропейских и отечественных подходов к прогрессу судебной экспертизы, в т. ч. на основе дальнейшего распространения байесовских подходов при оценке неопределенности результатов судебно-экспертной деятельности и применении концепции правдоподобия как в методологии, так и в практике отечественной судебно-экспертной деятельности.

Представляется, что теоретический анализ и практическая адаптация положений Руководства к отечественной практике внесут свой существенный вклад в инновационный путь развития российской судебно-экспертной науки, и оно будет востребовано не только учеными и практиками в области судебной экспертизы и в целом сферы правоприменения, но и в смежных областях, таких как метрология, обеспечение качества результатов испытаний, аккредитация судебно-экспертных лабораторий и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 1. М.: ЭКОМ, 2012. 656 с.
2. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. 384 с.
3. Эйсмэн А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. 1966. № 6. С. 92–97.
4. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание. М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. 264 с.
5. Елисеев В.Н., Кривошей Е.Н., Ляхова Н.В., Мяснянкина В.Н., Поляков В.З., Тайнс Т.А., Хвыля-Олинтер А.И., Эдзубов Л.Г. Статистическая дактилоскопия. Методологические проблемы / Под ред. Л.Г. Эдзубова. М.: Городец, Формула права, 1999. 184 с.
6. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Юр. лит., 1949. 131 с.
7. Bartick E.G. Government's Role in Funding Scientific Research // Forensic Science Research and Evaluation Workshop: A Discussion on the Fundamentals of Research Design and an Evaluation of Available Literature (May 26–27, 2015 Washington, D.C.). National Institute of Justice. Washington, D.C. 2016. P. 96–99.
8. Mnookin J.L., Cole S.A., Dror I.E., Fisher B.A., Houck M.M., Inman K., Kaye D.H., Koehler J.J., Langenburg G., Risinger D.M., Rudin N., Siegel, Stoney D.A. The Need for a Research Culture in the Forensic Sciences // 58 UCLA Law Review. 2011. P. 726–779.
9. Stoney D. What made us ever think we could individualize using statistics? // Journal of the Forensic Science Society. 1991. Vol. 31. No. 2. P. 197–199. [https://doi.org/10.1016/S0015-7368\(91\)73138-1](https://doi.org/10.1016/S0015-7368(91)73138-1)
10. Saks M.J., Koehler J.J. The Individualization Fallacy in Forensic Science Evidence // Vanderbilt Law Review. 2008. Vol. 61. No. 1. P. 199–219.
11. Kaye D.H. Probability, Individualization, and Uniqueness in Forensic Science Evidence: Listening to the Academies. Penn State Law eLibrary. 2010. https://elibrary.law.psu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1015&context=fac_works (дата обращения 27.06.2018).
12. Методологический семинар юристов и математиков // Советское государство и право. 1964. № 12. С. 115–217.
13. Aitken C., Roberts P., Jackson G. Fundamentals of Probability and Statistical Evidence in Criminal Proceedings. Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses. Royal Statistical Society's Working Group on Statistics and the Law. London, 2010. 121 p.

REFERENCES

1. Smirnova S.A. *Current challenges and expert technologies of law enforcement. Multimodal edition «Forensic science: reboot»*. Part 1. Moscow: EKOM, 2012. 656 p. (In Russ.)
2. Strogovich M.S. *Substantive truth and scientific evidence in Soviet criminal proceedings*. Moscow: AN SSSR, 1955. 384 p. (In Russ.)
3. Eisman A.A. Relationship between truth and validity in the criminal process. *Soviet State and Law = Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1966. No. 6. P. 92–97. (In Russ.)
4. Orlov Yu.K. *Forensic science as a means of proof in criminal proceedings. Scientific publication*. Moscow: IPK RFTsSE, 2005. 264 p. (In Russ.)
5. Eliseev V.N., Krivoshei E.N., Lyakhova N.V., Myasnyankina V.N., Polyakov V.Z., Tains T.A., Khvylya-Olinter A.I., Edzhubov L.G. *Statistical fingerprinting. Methodological problems* / L.G. Edzhubov (ed.). Moscow: Gorodets, Formula prava, 1999. 184 p. (In Russ.)
6. Vinberg A.I. *The basic principles of Soviet criminalistics*. Moscow: Yur. lit., 1949. 131 p. (In Russ.)
7. Bartick E.G. Government's Role in Funding Scientific Research. *Forensic Science Research and Evaluation Workshop: A Discussion on the Fundamentals of Research Design and an Evaluation of Available Literature* (May 26–27, 2015 Washington, D.C.). National Institute of Justice. Washington, D.C., 2016. P. 96–99.
8. Mnookin J.L., Cole S.A., Dror I.E., Fisher B.A., Houck M.M., Inman K., Kaye D.H., Koehler J.J., Langenburg G., Risinger D.M., Rudin N., Siegel, Stoney D.A. The Need for a Research Culture in the Forensic Sciences. *58 UCLA Law Review*. 2011. P. 726–779.
9. Stoney D. What made us ever think we could individualize using statistics? *Journal of the Forensic Science Society*. 1991. Vol. 31. No. 2. P. 197–199. [https://doi.org/10.1016/S0015-7368\(91\)73138-1](https://doi.org/10.1016/S0015-7368(91)73138-1)
10. Saks M.J., Koehler J.J. The Individualization Fallacy in Forensic Science Evidence. *Vanderbilt Law Review*. 2008. Vol. 61. No. 1. P. 199–219.
11. Kaye D.H. Probability, Individualization, and Uniqueness in Forensic Science Evidence: Listening to the Academies. *Penn State Law eLibrary*. 2010. https://elibrary.law.psu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1015&context=fac_works
12. Methodology seminar for lawyers and mathematicians. *Soviet State and Law = Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1964. No. 12. P. 115–217. (In Russ.)
13. Aitken C., Roberts P., Jackson G. *Fundamentals of Probability and Statistical Evidence in Criminal Proceedings. Guidance for Judges, Lawyers, Forensic Scientists and Expert Witnesses*. Royal Statistical Society's Working Group on Statistics and the Law. London, 2010. 121 p.

14. Aitken C., Taroni F. *Statistics and the Evaluation of Evidence for Forensic Scientists*. 2nd ed. New York: John Wiley and Sons, 2004. 540 p.
15. Cook R., Evett I., Jackson G., Jones P., Lambert J. A Hierarchy of Propositions: Deciding Which Level to Address in Casework // *Science & Justice*. 1998. Vol. 38. No. 3. P. 231–239.
16. Evett I.W., Jackson G., Lambert J.A., McCrossan S. The impact of the principles of evidence interpretation on the structure and content of statements // *Science & Justice*. 2000. Vol. 40. No. 4. P. 233–239.
17. Expressing evaluative opinions: A position statement // *Science & Justice*. 2011. Vol. 51. No. 1. P. 1–2. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2011.01.002>
18. Biedermann A., Champod C., Willis S. Development of European Standards for Evaluative Reporting in Forensic Science // *The International Journal of Evidence & Proof*. 2017. Vol. 21. No. 1–2. P. 14–29. <http://doi.org/10.1177/1365712716674796>
19. Бебешко Г.И., Войтов С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. К вопросу об использовании байесовских методов для метрологической оценки и интерпретации результатов судебно-экспертного исследования // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2014. № 1 (33). С. 148–158.
20. Градусова О.Б., Кузьмин С.А. К вопросу о вероятностно-статистической интерпретации результатов судебно-экспертных исследований // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017. Vol. 12. № 4. С. 27–33. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-6-11>
21. Градусова О.Б., Кузьмин С.А., Селин А.И., Говорина Н.В., Войтов С.А. и др. Руководство ENFSI по оценке совокупности выявленных признаков объектов судебной экспертизы статистическими методами: комментированный перевод / Под ред. А.И. Усова. М.: РФЦСЭ, 2018. 128 с.
14. Aitken C., Taroni F. *Statistics and the Evaluation of Evidence for Forensic Scientists*. 2nd ed. New York: John Wiley and Sons, 2004. 540 p.
15. Cook R., Evett I., Jackson G., Jones P., Lambert J. A Hierarchy of Propositions: Deciding Which Level to Address in Casework. *Science & Justice*. 1998. Vol. 38. No. 3. P. 231–239.
16. Evett I.W., Jackson G., Lambert J.A., McCrossan S. The impact of the principles of evidence interpretation on the structure and content of statements. *Science & Justice*. 2000. Vol. 40. No. 4. P. 233–239.
17. Expressing evaluative opinions: A position statement. *Science & Justice*. 2011. Vol. 51. No. 1. P. 1–2. <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2011.01.002>
18. Biedermann A., Champod C., Willis S. Development of European Standards for Evaluative Reporting in Forensic Science. *The International Journal of Evidence & Proof*. 2017. Vol. 21. No. 1–2. P. 14–29. <http://doi.org/10.1177/1365712716674796>
19. Bebashko G., Voytov S., Omelyanyuk G., Usov A. Applying Bayesian methods for metrological evaluation and interpretation of forensic evidence. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No.1 (33). P. 148–158. (In Russ.)
20. Gradusova O.B., Kuz'min S.A. Probability Interpretation of Forensic Evidence. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 27–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-6-11>
21. Gradusova O.B., Kuz'min S.A., Selin A.I., Govorina N.V., Voitov S.A., et al. *ENFSI guideline for evaluative reporting in forensic science: annotated translation* / A.I. Usov (ed.). Moscow: RFCFS, 2018. 128 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, первый заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности юридического института ФГАОУ ВО РУДН, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МГТУ им. Н.Э. Баумана, член ААФС; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

Градусова Ольга Борисовна – заведующая лабораторией судебных почвоведческих и биологических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, магистрант кафедры судебно-экспертной деятельности юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: o.gradusova@sudexpert.ru

Кузьмин Сергей Анатольевич – к. ю. н., ведущий научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности юридического института ФГАОУ ВО РУДН; e-mail: sakuzmin@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Usov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Full Professor, First Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Professor of the Department of Forensic Examination Activities, Law Institute of RUDN University, Professor of the Law, Intellectual Property and Forensic Science Department, Bauman Moscow State Technical University, member of AAFS; e-mail: a.usov@sudexpert.ru

Gradusova Ol'ga Borisovna – Head of the Laboratory of Forensic Biology and Soil Analysis, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Master's Student at the Department of Forensic Examination Activities, Law Institute of RUDN University; e-mail: o.gradusova@sudexpert.ru

Kuz'min Sergei Anatol'evich – Candidate of Law, Leading Researcher of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Associate Professor of the Department of Forensic Examination Activities, Law Institute of RUDN University; e-mail: sakuzmin@gmail.com

Статья поступила 01.10.2018
Received 01.10.2018